

Жмудь Л. Я.

Пифагор и его школа

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Ж77

Жмудь Л. Я.
Ж77 Пифагор и его школа / Жмудь Л. Я. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 192 с.

ISBN 978-5-458-33398-6

Книга посвящена одной из самых интересных и вместе с тем дискуссионных проблем раннегреческой культуры — пифагорейскому вопросу. На основе анализа античных источников автор знакомит читателя с жизнью и деятельностью Пифагора, политической практикой пифагорейского сообщества, религиозно-этическим учением пифагорейцев. Особое место в книге уделено научным занятиям ранних пифагорейцев и их вкладу в развитие древнегреческой математики, физики, астрономии и биологии, а также взаимовлиянию науки и философии в этой школе. Книга рассчитана на историков, философов, науковедов, а также на широкий круг читателей, интересующихся античной философией и наукой.

ISBN 978-5-458-33398-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Сложность пифагорейского вопроса коренится, разумеется, далеко не только в состоянии наших источников. Подчас гораздо более сложным является сбалансированный анализ тех разнообразных сфер деятельности, в которых проявили себя пифагорейцы: политики, религии, философии и науки. В каком соотношении находятся эти стороны пифагореизма, как определить точки их взаимовлияния и насколько глубоким оно было? Что представляло собой пифагорейское сообщество: политический союз, религиозное братство, философскую или научную школу, либо все это, вместе взятое?

Не случайно пифагорейский вопрос остается одним из самых запутанных и уж по крайней мере самым дискуссионным в истории раннегреческой науки и философии. Библиография работ по пифагореизму насчитывает сотни книг и статей, при этом, однако, трудно найти какой-либо факт, включая само историческое существование Пифагора, с которым согласились бы все высказывавшиеся по этому вопросу. Если же обратиться от фактов к их интерпретациям, то количество самых разнообразных и противоречивых точек зрения с трудом поддается учету.

Вместе с тем историю пифагорейского вопроса не следует представлять себе как «войну всех против всех» — при ближайшем рассмотрении в ней можно выделить несколько достаточно определенных направлений. Одни считают Пифагора основателем европейской научной традиции, другие — «шаманом», предводителем экстатических культов и тайных мистерий, третьи полагают, что он соединял в себе оба эти качества. Однако и внутри этих направлений точки зрения существенно разнятся. Трудно поэтому понять, что представлял собой Пифагор и созданная им школа, не уделив достаточного внимания научной полемике вокруг пифагореизма.

Пожалуй, один из главных пунктов этой полемики — время зарождения научных занятий пифагорейцев и их место в общей системе пифагореизма. В течение всего XIX в., когда наибольший интерес вызывала философия пифагорейцев, а не их наука, мало кто сомневался в том, что Пифагор и его ближайшие ученики занимались научными исследованиями. В этом легко убедиться, ознакомившись с историко-философскими

сочинениями этого времени.² Сходной была и позиция исследователей античной математики.³ Но на рубеже XIX—XX вв. вместе с ростом интереса к древнегреческой науке возникло критическое направление, приверженцы которого с разной степенью категоричности отрицали научный характер раннепифагорейской мысли.⁴ Эта точка зрения неоднократно высказывалась и в работах последних десятилетий, особенно активно ее развивает один из крупнейших исследователей пифагореизма В. Буркерт.⁵

Известный историк науки Б. Л. ван дер Варден, автор последнего значительного труда о пифагорейцах,⁶ занимает несколько иную позицию. Он признает большие заслуги раннепифагорейской школы в математике, астрономии и физике, но упорно отказывается сделать это по отношению к самому Пифагору, которого рисует лишь памятливым учеником вавилонян, передавшим, к тому же не очень внятно, суть полученных им знаний своим последователям.

Нельзя сказать, чтобы это критическое направление безраздельно господствовало в истории изучения пифагореизма и раннегреческой науки в целом. Однако именно оно выдвигает в центр внимания исследователей вопросы, связанные с научной стороной пифагореизма. Наша книга также посвящена в основном пифагорейской науке, хотя и не только ей.

Обращение к тому времени, когда зарождались первые научные методы, понятия и теории, к людям, участвовавшим в становлении греческой науки, не нуждается в особом оправдании. Феномен науки раскрывается в ее истории, особенно в периоды быстрого роста или даже взлета научного знания. С этой точки зрения наибольшего внимания заслуживают два периода: VI—IV вв. до н. э., эпоха зарождения науки, и XVI—XVII вв., время великой научной революции, сформировавшей науку Нового времени. Собственно говоря, сравнение этих периодов и дает пищу для многочисленных споров о месте и времени зарождения науки как таковой. Многие ученые полагают, что наука в современном смысле слова возникла лишь в Новое время.⁷ Тем самым деятельность греческих ученых лишается статуса научной. В рамках этой книги нет возможности, да и необходимости, детально входить в существо этих

споров. Тем не менее следует изложить основные принципы, из которых мы исходим, — ведь иначе в вопросах, которым она посвящена, может остаться много неясного.

Относить возникновение науки к Новому времени было бы, на наш взгляд, сильным преувеличением. При самой высокой оценке этого периода нет оснований отказываться от традиционной точки зрения, связывающей появление науки с греческой цивилизацией.

Нельзя назвать ни одной научной отрасли — будь то математика, астрономия, механика, оптика, биология или медицина, — в которой ученые Нового времени не стояли бы на фундаменте, заложенном греками. Их отношение к греческой науке было различным: не было недостатка ни в слепом преклонении, ни в яростной критике. Но и в том и в другом случае укорененность их идей в научном наследии античности несомненна. Признавая эту преемственность, многие подчеркивают, что знания, полученные от греков, были во многом переосмыслены и включены в иную теоретическую систему.⁸ Однако отрицает ли это научный характер унаследованных знаний? Развиваясь, наука не может всегда и во всем оставаться равной самой себе, но и новые качества, приобретаемые ею в процессе развития, не могут изменить ее сущность до неузнаваемости.

Сейчас большинство методологов науки соглашается с тем, что ее важнейшей конституирующей чертой является гипотетико-дедуктивный метод.⁹ В практике историко-научных исследований этот критерий позволяет с большой точностью определить время и место зарождения науки: VI в. до н. э., ионийские города Древней Греции. Именно в среде греческих астрономов и математиков того времени впервые начинают систематически применяться научная гипотеза и дедуктивное доказательство, ставшие главными орудиями в приобретении знаний. В предшествующих восточных культурах эти важнейшие компоненты отсутствовали, что же касается европейской науки, то она не создала никаких принципиально новых методов научного познания.

Распространенный взгляд на раннегреческую науку как на спекулятивную и не опирающуюся на наблюдения и эксперименты, мало соответствует действительности: были и наблюдения, и эксперименты. Именно они

легли в основу таких отраслей знания, как акустика, оптика, механика, ботаника, анатомия, физиология, география, астрономия. Можно согласиться с тем, что *фундаментальная* роль эксперимента в естествознании была отчетливо осознана лишь в Новое время, но это не означает, что его вообще не было в античности. Хотя греки преуспели более всего в астрономии и математике, которые лишены эксперимента, а в других областях он едва ли признавался всеми главным аргументом в научном споре, его роль в развитии научных знаний очевидна.¹⁰

Противопоставляя греческую и современную науку, многие склонны выдвигать в качестве главных свидетелей античности Платона, Аристотеля и других философов и принимать их отношение к научному познанию за установку всей античной науки. Справедливо ли это? Читая Платона; можно скорее узнать, что думал о науке он сам, а не то, что думали о ней современные ему ученые и тем более — какой была *реальная* практика изысканий того времени.¹¹ О науке времени Аристотеля гораздо больше говорят его естественно-научные сочинения, обобщающие огромный эмпирический материал, добытый им в ходе наблюдений, а нередко и экспериментов, чем «Метафизика» или «Органон».

Едва ли кто-нибудь сочтет штудирование Гегеля или даже Конта и Спенсера лучшим способом изучать науку XIX в. Разумеется, их мнение можно и нужно учитывать, но главным предметом исследования были и остаются реальные научные изыскания, методы, теории. Странно, что по отношению к античной науке необходимость такого подхода пока еще не стала очевидной: ведь сохранившихся научных текстов для этого вполне достаточно, пусть даже большинство из них относится к поздней эпохе.

Зачастую, говоря об античной науке, переходят от обсуждения ее методов и результатов к оценке той роли, которую она играла в обществе и мировоззрении античности. Между тем это совершенно разные проблемы. Хотя в Греции мы знаем различные типы научных сообществ, в том числе и поощрявшиеся государством (Александрийский Мусей), в целом они не идут ни в какое сравнение с научными организациями Нового времени: академиями, университетами и т. п. Греческая наука не занимала и не могла занимать в обществе того

места, которое, начиная с XVII—XVIII вв., заняла наука европейская, превратившись в мощный и быстро развивающийся социальный институт. Греческая наука развивалась, как правило, в стороне от практических потребностей общества,¹² и хотя из этого правила есть важные исключения, они лишь подтверждают его справедливость. Все это — бесспорные факты, но они говорят не о том, что в Греции не было науки, а о том, что ее отношения с обществом складывались иначе, нежели в Новое время.

Едва ли можно отрицать, что наука не являлась основой мировоззрения античной эпохи. Математика Евклида, механика Архимеда, астрономия Гиппарха и Птолемея, если и играли какую-то роль в их общем взгляде на мир, явно не были его конституирующим элементом. Даже в период расцвета греческой науки (V—III вв. до н. э.) не существовало того, что можно было бы назвать системой научных взглядов на природу и общество. И тем не менее — будем ли мы говорить об изолированности островков научной мысли в общей картине греческого мировоззрения или об их включенности в контекст культуры, построенной на совсем других основаниях, — все это не может доказать, что механика, математика или астрономия греков базировались на принципиально иных методах, чем в Новое время.

Даже беглый взгляд на историю науки показывает, что она может с успехом существовать в весьма различных типах культур, таких, например, как Греция VI—IV вв. до н. э., арабские страны X в., Италия XVI в., Россия XVIII в., Япония конца XIX в. Можно вспомнить и о том, что научность отнюдь не была основой *мировоззрения* тех, кто заложил фундамент новоевропейского естествознания. Как раз сейчас оживленно обсуждаются вопросы о влиянии астрологии, алхимии, герметизма, магии, различных мистических учений на формирование взглядов ведущих ученых этого времени, причем не только Дж. Кардано или Парацельса, но и Кеплера, и Ньютона.¹³

При всем внимании к социальному и культурному контексту, в котором развивалась греческая наука, и осознании его глубокого своеобразия не следует упускать из виду то важное обстоятельство, что наука как вполне определенный способ познания мира обладает значительной автономией. В сущности это и по-

зволюет нам видеть гораздо большее внутреннее родство научных теорий и методов, возникших в разные периоды и в разных цивилизациях, по сравнению с другими культурными феноменами.

Нам представляется, что рассмотрение с этой позиции раннепифагорейской науки позволит избежать как модернизации, т. е. придания научного статуса тому, что наукой еще не являлось, так и архаизации (кстати, более распространенной в современной литературе), т. е. растворения зарождающейся науки в мифе, религии, спекулятивной философии, политическом красноречии — во всем том, с чем она соприкасалась, но чем никогда не была.

¹ См., например: *Robin L.* The Greek thought and the origin of scientific spirit. New York, 1928. P. 50ff.; *Cleve F.* The giants of pre-sophistic Greek philosophy. The Hague, 1969. Vol. 2. P. 449ff.

² *Рутгер Г.* История пифагорейской философии. М., 1849; *Гомперц Т.* Греческие мыслители. М., 1911. Т. I; *Целлер Э.* Очерк истории греческой философии. М., 1913.

³ *Bretschneider C. A.* Die Geometrie und Geometer vor Euclides. Berlin, 1870; *Tannery P.* La géométrie grecque. Paris, 1887; *Allman G. J.* Greek geometry from Thales to Euclid. Dublin, 1889.

⁴ См., например: *Frank E.* Plato und die sogenannten Pythagoreer. Halle, 1925; *Schuhl P. M.* Essai sur la formation de la pensée grecque. Paris, 1934; *Heidel W. A.* The Pythagoreans and Greek mathematics // *AJP.* 1940. Vol. 61.

⁵ *Burkert W.* Lore and science in ancient Pythagoreanism. Cambridge (Mass.), 1972.

⁶ *Waerden B. L. van der.* Die Pythagoreer : Religiöse Bruderschaft und Schule der Wissenschaft. Zürich, 1979.

⁷ См., например: *Косарева Л. М.* Предмет науки : Социально-философский аспект проблемы. М., 1977; *Лосева И. Н.* Проблемы генезиса науки. Ростов н/Д, 1979.

⁸ *Койре А.* Очерки истории философской мысли. М., 1985.

⁹ *Рузавин Г. И.* Гипотетико-дедуктивный метод // *Логика и эмпирическое познание.* М., 1972; *Мамчур Е. А., Раджабов У. А.* Структура и генезис естественно-научной теории // *Философские проблемы естествознания.* М., 1976; *Поллер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983.

¹⁰ Литературу по данному вопросу см.: *Жмудь Л. Я.* Эксперимент в пифагорейской школе // *Некоторые проблемы истории античной науки.* Л., 1989. С. 37—47.

¹¹ *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985. С. 118 (сн. 3).

¹² *Рожанский И. Д.* Античная наука. М., 1980. С. 15.

¹³ *Webster Ch.* From Paracelsus to Newton: magic and making of modern science. Cambridge, 1982.

Биография Пифагора: источники, факты, легенды

Едва ли не самые частые эпитеты, в окружении которых фигурирует имя Пифагора на страницах популярных да и многих научных работ, — это «легендарный», «полулегендарный» или даже «полумифический». У читателя, незнакомого с источниками, может создаться впечатление, что биография Пифагора действительно состоит из легенд и что мы знаем о нем столько же, сколько о Гомере или Ликурге, само существование которых до сих пор подвергается сомнению. Однако реальное положение дел совсем иное.

Хотя в традиции о Пифагоре исторические факты с самого начала тесно переплетены с фантастическим вымыслом, отделить одно от другого — это, пожалуй, не самая трудная задача. Гораздо сложнее среди сведений, выглядящих вполне правдоподобно, выделить реальные события жизненного пути Пифагора. Именно здесь мы сталкиваемся с наибольшим количеством контроверз, которые, впрочем, сопровождают исследование жизни и творчества каждого из досократиков. Как правило, нам неизвестны ни точные даты их жизни и смерти, ни основные этапы их биографии. Пифагор в этом смысле вовсе не исключение, скорее, наоборот: о его жизни мы знаем намного больше, чем о любом современном ему философе, будь то Фалес, Анаксимандр, Анаксимен или Ксенофан. Огромная слава Пифагора сослужила ему двоякую службу: сделав его имя притягательным для легенд, умножавших от века к веку, она в то же время позволила донести до нас память о реальных событиях того времени.

Источники

Уже от V в. до н. э., в начале которого умер Пифагор, о нем дошло больше свидетельств, чем о любом другом философе, — например, имена Анаксимандра или Парменида вообще не упоминаются в литературе того времени. О Пифагоре говорят его современники Ксенофан и Гераклит, в середине века — историк Геродот и философ Эмпедокл, его имя встречается у поэта и философа Иона Хиосского и писателя Главка из Регия.¹

Об исключительной популярности Пифагора свидетельствуют монеты с его изображением и надписью ΠΥΘΑΓΟΡΗΣ, выпущенные в 430—420 гг. до н. э. в Абдерах. Для V в. до н. э. это случай беспрецедентный и не только потому, что изображения философов на монетах появляются гораздо позже и, как правило, в их родных городах: перед нами первый портрет на греческих монетах, во всяком случае, первый подписанный портрет.²

Пифагор первым из греческих философов удостоился специально посвященного ему сочинения. Эту книгу, известную нам только по названию, написал Демокрит из Абдер, учившийся, кстати, у одного из пифагорейцев. По свидетельству Фрасилла, издававшего в I в. сочинения Демокрита, он высказывал в ней восхищение самосским мудрецом (Д. Л. IX, 38).

В отрывочных и зачастую случайно сохранившихся упоминаниях V в. до н. э. очень мало сведений биографического характера. В первой половине IV в. до н. э. положение если и меняется, то не очень заметно. Ряд фактов о жизни Пифагора сообщают софисты Исократ и Алкидамант, философ Антисфен, историки Андрон из Эфеса и Феопомп, однако факты эти перемешаны с легендами и вымыслом и далеко не всегда достоверны.

Несмотря на свой интерес к пифагореизму и глубокое влияние этого течения на его философию, Платон упоминает о Пифагоре всего один раз (и еще раз о пифагорейцах в целом). Учитывая, что мы располагаем практически полным корпусом его сочинений, скупость высказываний Платона на этот счет столь же удивительна, сколь и обидна. Ее лишь частично компенсируют сведения его учеников: Гераклида Понтийского,

Спевсиппа, Ксенократа и Аристотеля. Гераклид вывел Пифагора в качестве героя диалога «Абарис», с чем впоследствии было связано немало недоразумений: вымышленные речи участников диалога были восприняты всерьез. Кроме того, он и Ксенократ посвятили пифагорейцам специальные сочинения, от которых дошло только несколько фрагментов. Во всем обширном корпусе сохранившихся сочинений Аристотеля Пифагор упоминается лишь дважды; немногим больше для его биографии дают фрагменты нескольких утраченных работ Аристотеля о пифагорейцах: мы находим в них либо собрание «чудесных» историй, либо критическое рассмотрение философских и научных вопросов.

Ситуацию резко меняет возникновение в перипатетической школе биографического жанра.³ По счастливой случайности один из его зачинателей, Аристоксен из Тарента, учился в молодости у последних пифагорейцев и располагал более надежными сведениями, чем другие авторы его времени. Аристоксен посвятил Пифагору и его ученикам три сочинения биографического характера, и хотя ему была свойственна ярко апологетическая тенденция, сам он, кажется, почти ничего не выдумывал и вообще старался очистить образ Пифагора от легенд, уже давно и тесно с ним связанных.⁴ Его младший современник перипатетик Дикеарх, рассматривавший деятельность Пифагора в рамках своего общего труда «Жизнь Эллады», был лишен тенденциозности Аристоксена, но сведений о пифагорейцах имел гораздо меньше. В целом благодаря Аристоксену и Дикеарху до нас дошло наибольшее количество надежных биографических данных, хотя и их свидетельства, разумеется, нуждаются в критическом рассмотрении.

Труд Тимея из Тавромения «Италийская и сицилийская история», написанный на рубеже IV—III вв. до н. э., сохранился лишь в фрагментах, часть из которых имеет отношение к Пифагору. Тимея часто использовали позднейшие историки, но реконструкция восходящих к нему сведений наталкивается на большие трудности и надежности пока еще не достигла.⁵

Историки Неанф из Кизика (первая половина III в. до н. э.) и Гермипп (вторая половина III в. до н. э.), писавшие о пифагорейцах, опирались как на перипатетические биографии, так и на популярную традицию, причем Гермипп добавил к ней несколько баснословных

рассказов, рисовавших Пифагора в очень неприглядном свете.

К III—II вв. до н. э. относятся, вероятно, две анонимные биографии Пифагора, сохранившиеся в передаче Диодора Сицилийского и патриарха Фотия. Обе они малоинформативны, но показательны тем, что уже опираются на некоторые из псевдопифагорейских сочинений, обильно фабриковавшихся в тот период. Эта литература, с ее тягой к риторическому морализаторству, с отсутствием интереса к реальной истории и серьезным философским и научным проблемам, станет впоследствии одним из важных источников позднеантичных сочинений о Пифагоре.⁶

Свое второе рождение биографическая традиция получила в рамках неопифагорейства, возникшего в I в. до н. э. Одну из первых неопифагорейских биографий написал Аполлоний Тианский (I в.), неутомимый искатель «сокровенного» во всех греческих и восточных учениях, человек, желавший не только писать о чудесах, но и творить их! Хотя у него можно найти сведения, восходящие к ценным источникам IV—III вв. до н. э., подход его был, в сущности, антиисторичен. Аполлоний видел в Пифагоре своего прямого предшественника (он считал, что душа Пифагора вселилась именно в него) и рисовал его по своему образу и подобию.⁷

Книга Аполлония до нас не дошла, но сохранились близкие ей по духу и прямо ее использовавшие «Жизнь Пифагора» Порфирия (III в.) и «О пифагорейской жизни» его ученика Ямвлиха (рубеж III—IV вв.).⁸ К числу других источников этих сочинений относится биография Пифагора, созданная неопифагорейцем Никомасом из Герасы (II в.), известным любовью к мистической арифметике, а также роман Антония Диогена (I в.) под характерным названием «Чудеса по ту сторону Фулы».

У Порфирия и Ямвлиха (а еще раньше — у Аполлония) легендарное, фантастическое, чудесное перестает быть побочным мотивом и становится сутью и основой повествования. Судя по написанной им биографии его учителя Плотина, Порфирий не был вовсе лишен интереса к истории, и хотя его «Жизнь Пифагора» больше похожа на житие святого, к достоинствам Порфирия нужно отнести по крайней мере то, что он, как правило,